

ФУНКЦИИ ИМЕН ГЕРОЕВ В РОМАНЕ К.С. ЛЬЮИСА «ПОКА МЫ ЛИЦ НЕ ОБРЕЛИ»

Н.А. Чернявская

Клайв Стейплз Льюис — крупный ученый в области английской литературы Средневековья и Возрождения, литературный критик, автор более 40 книг. Он известен российскому читателю прежде всего по «Хроникам Нарнии».

Философский роман «Пока мы лиц не обрели» — одно из последних, итоговых его произведений — занимает особое место в интеллектуальной английской прозе XX века. В произведении нашли свое отражение христианские взгляды Льюиса, выраженные им в таких его работах, как «Страдание» (1940), «Христианское поведение» (1943), «Просто Христианство» (1952). Кроме того, составной частью философской базы романа Льюиса является его интерпретация философии Платона.

Исследовать функции имен героев в романе «Пока мы лиц не обрели»¹ необходимо, чтобы полнее представить концепцию мифа в названном произведении.

В зависимости от количества имен у одного персонажа, каждого героя можно отнести к той или иной группе.

I. В рассматриваемом произведении Льюиса есть ряд персонажей, которые имеют одно имя. Это Редиваль, Тром, Бардия, Труния, Эрган, Арном, Тарин, Ансит. Они играют второстепенную роль и выполняют вспомогательные функции по отношению к другим героям романа. Так, Редиваль, Трома, Батту, Тарина, Арнома можно рассматривать как ипостаси Унгит. Бардия, Труния, Эрган важны для характеристики образа Оруали: они особенно активно проявляют себя на «волевой» стадии становления души главной героини. Образ Ансит особо значим при рассмотрении темы любви в произведении Льюиса. Наконец, двое из рассматриваемых здесь персонажей, Тром и Редиваль, восходят к античному сюжету об Амуре и Психее. Образы Трома и Редивали конкретизируются, что свидетельствует о демифологизации античного мифа. Каждый из этих героев имеет свое постоянное, не изменяющееся на протяжении всего романа, имя. С точки зрения употребления его можно назвать профанным.

II. Вторую группу героев составляют те, которые не имеют имени. Это Жрец, мать Психеи и Бог. «Безымянность» этих персонажей связана с их социальной зависимостью от других героев романа. Жрец в течение 63-х лет является слугой Унгит; его основная функция — передавать волю богини. Мать Психеи — наложница Трома. Бог — раб человеческих представлений: его мыслят то в виде чудовища, то в виде тени, то — сына Унгит, то самой Унгит.

Каждый из этих персонажей потенциально стремится обрести имя, что равнозначно тому, чтобы быть свободным. В случае с образами Жреца и матери Психеи это происходит опосредованно, то есть через другие образы. Мать Психеи умирает, рожая ее. После смерти Жреца на его место в храм Унгит приходит другой, по имени Арном. Его приход совпадает с появлением в храме статуи Афродиты, которую помещают рядом с бесформенным камнем Унгит. Это свидетельствует о переходе от фетишистского представления народа о богине к антропоморфному. Всякий раз обретение имени и свободы связано в романе со смертью.

К этой группе персонажей примыкает образ Лиса. «Лис» — это прозвище, данное философу Тромом. Грек — раб царя Глома. Во время умирания царя его впер-

вые называют его греческим именем «Лисиас». Тогда же философ получает «вольную» от Оруали. Но, в отличие от образов Жреца и матери Психеи, движение от отсутствия имени к его обретению для Лиса происходит в границах одного образа.

Характеристика имени Бога заслуживает особого внимания, так как является наиболее важной в исследовании концепции имени в романе Льюиса. На протяжении всего произведения этот персонаж остается безымянным. В диалоге между старшей и младшей сестрами во время их встречи на Седой горе звучит фраза Психеи, помогающая понять сущность имени бога: «Он (Бог) сказал, что я не должна — пока — видеть его лицо или знать его имя». Для характеристики имени Бога лучше всего воспользоваться термином Л.А. Гоготошвили, который он использовал в комментариях к «Философии имени» А.Ф. Лосева, — «первичное имя», то есть то, которое «еще не подвержено реальному, фактическому выражению, т.е. соединению с инобытием, потому звук в таком имени исчезает»².

III. В романе Льюиса, кроме того, есть несколько персонажей, имеющих два имени. Это Унгит-Афродита, Истра-Психея, Оруаль-Майя. Так, в границах каждого из названных образов создается система имен. Первое имя в такой системе — изначальное. По функции его можно назвать профанным. Второе дает героям Лис. Оно связано с древнегреческой мифологией, поэтому его можно назвать мифологическим. Ни одно из двух имен, взятых в отдельности, не характеризует образ полностью. Но их сочетание может дать полное, адекватное образу, имя. Его можно назвать составным. В романе такое имя выполняет символическую функцию.

О каждом из составных имен следует сказать подробнее.

Унгит-Афродита. Основное, то есть более употребимое в романе, имя этого образа — первое. Второе Лис дает по ассоциации с функцией древнегреческой богини любви, подразумевая при этом Афродиту классического периода античной мифологии. Но богиня Глома имеет большее сходство с Афродитой архаического периода, так как трактуется как мать-земля, «прародительница всего сущего», и воплощает собой материальное, телесное начало в романе. То, что Унгит воспринимается вне категории красоты, создает контраст ее с древнегреческой богиней. Это заостряет внимание читателя на других функциях образа богини Глома.

Имя «Унгит» в некоторых случаях переходит в систему имен других образов. Так, в финале романа при обращении к Психее народ Глома называет ее «Унгит». Оруаль же в одном из своих видений (символический спуск в храм богини), глядя на себя в зеркало, говорит: «Унгит — это я!». В обоих случаях профанная функция первого имени богини-матери меняется на символическую. Благодаря «переходности» имени в границах образа Унгит создается открытая система имен.

Истра-Психея. Основное имя — второе, то есть мифологическое, что отличает этот образ от предыдущего. Оно дается Лисом героине при ее рождении. Тогда же он указывает, что это точный перевод «Истры» на греческий. Следует отметить, что в течение всего повествования романа грек обращается по имени только к Психее.

В греческом языке это имя имеет два значения: «душа» и «бабочка». Оно употребляется в речи Лиса, Оруали и Бога, то есть «посвященных», поэтому может считаться сакральным. В разговоре с другими эти герои произносят первое имя. Так же как «Унгит», имя «Психея» является переходным: в финале Оруаль становится Психеей. В данном случае реализуется второе значение мифологического имени: прежде чем Оруаль пришла к концу своего пути, она, как бабочка, пережила множество метаморфоз.

Оруаль-Майя. Основное имя — первое. Мифологическое имя дается Лисом как перевод «Оруали» на греческий. «Майя» — первое слово, которое произносит после своего рождения Психея. Более того, это имя звучит только в речи младшей сестры Оруали в моменты общения двух сестер. То есть «Майя» характеризует ту сторону образа Оруали, которой он обращен к Психее. Оба имени рассматриваемого здесь персонажа употребляются параллельно в четырех сценах: в разговоре двух сестер в пятиугольной комнате перед жертвоприношением, в двух их встречах на Седой горе и в финале. При этом в диалогах оба имени звучат приблизительно с одинаковой частотой. После разлуки Оруали с Психеей и вплоть до последних двух глав романа оба имени не употребляются в своей номинативной функции.

Имя «Майя» имеет два значения. Во-первых, в переводе с греческого — это матушка-кормилица, берущая на себя функции вскармливания и воспитания детей. Это значение реализуется в образе Оруали, когда умирает мать Психеи. Тогда материнские функции для младшей сестры берет на себя старшая. Во-вторых, в ведийской мифологии Майя — это сила, препятствующая постижению человеком своего единства с богом, иллюзия, обман. В послеведийский период нередко выступает как скрытая под покрывалом прекрасная женщина и обозначает иллюзорность, неистинность бытия, действительность, понимаемую как грезу верховного божества. Второе значение реализуется как раз в период, когда имя «Майя» не употребляется в номинативной функции. Тогда Оруаль, став царицей Глома, закрывает свое лицо платком на сорок лет. «С тех пор как Арном сказал, что Царь умирает, прошло совсем немного времени, но я чувствовала, что во мне живет, говорит и действует уже другая женщина. Можешь назвать ее Царицей, но это была не Оруаль». Отказ от имени совпадает с периодом символической смерти Оруали, на которую указывает не только метафора платка, но также метафора стороны света: царица переносит свои покои на северную сторону дворца.

В отличие от имен Унгит и Психеи, составное имя рассматриваемого здесь персонажа представляет собой не открытую, а замкнутую систему: ни одно из входящих в нее имен не является переходным. Кроме того, это составное имя не адекватно образу. Благодаря существованию в романе открытых систем имен (Унгит, Психея), происходит эволюция имени главной героини романа. Имена рассматриваемого персонажа сменяются в следующей последовательности: «Оруаль», «Майя» — отсутствие имени — «Унгит» — «Психея». На этом эволюция имени не заканчивается. В финале Оруаль называют всеми пятью именами. Ни одно из них не характеризует образ полностью. Сочетание всех пяти имен тоже не создает полного имени главной героини. Итог, к которому стремится прийти Оруаль, — это Бог. Таким образом, конечной целью пути главной героини является первичное имя, или Бог, или лицо, иначе говоря, постижение собственной сущности. Здесь следует отметить, что Оруаль в финале не успевает посмотреть на лицо Бога: «Видение погасло за полмига до того, как прозвучал голос». За видением следует смерть главной героини романа. Так же как с «безымянными» персонажами произведения Льюиса, в случае с Оруалью обретение имени связано со смертью.

Итак, система имен в романе Льюиса включает несколько уровней:

- 1) взаимодействие имен в границах одного образа и создание составного имени;
- 2) взаимодействие имен между образами и, благодаря существованию «переходных» имен, создание эволюционирующей системы имен в образе Оруали, итогом развития которой становится первичное имя.

В конечном итоге эволюция имени в романе К.С. Льюиса приводит к созданию нового имени. А.Ф. Лосев в «Философии имени» указывает на связь имени с возникновением мифа. Все это позволяет говорить о том, что ядром романа является создание нового мифа на основе демифологизации старого.

Литература и примечания

1. *Clive S. Lewis. Till We Have Faces.* М., 1997.
2. *Клайв Стейплз Льюис.* Пока мы лиц не обрели. М., 2000. Перевод с английского Кормильцева И.
3. *Гогошвили Л.А.* Религиозно-философский статус языка // Лосев А.Ф. Бытие – Имя – Космос. М., 1993. С. 913.